

Босиком по 90-м

Автор:

Иван Любенко

Босиком по 90-м

Иван Иванович Любенко

2009 год. Автор исторических детективов Валерий Приволин отдыхает в Египте и случайно знакомится со стариком, говорящим на русском языке дореволюционной поры. Он представляется отставным генералом Фостиковым и сообщает весьма необычные новости, которые могли быть известны лишь человеку, жившему более ста лет назад. Вскоре незнакомец исчезает, писатель пытается его отыскать, но портье уверяет, что никакого господина Фостикова никогда в отеле не было. Приволин понимает, что вновь вернулся к истории пятнадцатилетней давности, к началу 90-х, когда бросил учительствовать... Но тогда всё начиналось по-другому...

Иван Любенко

Босиком по 90-м

Посвящаю старым друзьям, живым и ушедшим...

Выражаю особую благодарность Климу Валерьевичу Агаркову.

Пролог

15 октября 2009 г., Хургада, Египет

Чернильная, уходящая в бесконечность полоса горизонта, словно ватерлиния гигантского судна, надвое разрежала пространство, отделив бесцветное, будто застиранное африканское небо от бирюзового, пахнущего спелыми арбузами моря.

Страна пирамид, фараонов, финиковых пальм и молчаливых бедуинов гостеприимно принимала тысячи русских туристов, среди которых оказался и я.

Всё получилось нежданно-негаданно, как обычно происходит с героями американских фильмов. Вчера утром я проснулся от телефонного звонка. Незнакомый, безразлично-ласковый голос секретарши, съедая предлоги и приставки, будто спотыкаясь и прихрамывая, в характерной московской манере сообщил, что мой первый исторический детективный роман о приключениях присяжного поверенного удостоился положительной рецензии и одобрен главным редактором издательства. А ещё через минуту судорожно затрясся мобильник, и знакомая девушка из местного туристического агентства предложила воспользоваться горячей путёвкой на Красное море. Времени на раздумья не было, и я согласился.

События следующих двадцати четырёх часов, как сцены немого, чаплинского фильма сменяли друг друга с кинематографической скоростью и в этой бешеной суматохе дня плёнка, казалось, могла порваться на любом кадре: туман, шоссе, спидометр, встречная полоса, аэропорт, таможня, Боинг, гроза над морем, посадка, аплодисменты, пальмы, отель, пляж...

Прикрыв глаза и лениво растянувшись на мягком лежаке, я с трудом пытался перенестись в губернский город начала XX века, мысленно набрасывая новый сюжет детективных хитросплетений, замешанных на блистательных победах генерала Ермолова.

Горячий, пришедший с пустыни ветер резкими порывами разгонял назойливых арабских мух, норовивших примоститься на выставленные под яркое солнце тела моих соотечественников, составляющих основную массу отдыхающих.

Хамоватый персонал отеля говорил на русском со всеми подряд, включая немногочисленных поляков и нескольких пожилых немцев. Правда, то был не язык Пушкина, Чехова или даже современных журналистов. В ходу был грязно-серый сленг начала 90-х.

– Привьет, бра-туха! Как деля? Ты сам от-кудя? – коверкал слова одетый в несвежую футболку курчавый араб лет двадцати пяти, обращаясь к моему соседу по лежаку. Не давая пожилому туристу опомниться, молодой человек заученной скороговоркой рекламировал поездку на ближайший коралловый остров и, не дожидаясь согласия, тут же выписал чек на оплату.

– Вы зря, любезный, извольте беспокоиться. А посему, не смею вас боле задерживать.

Египтянин тупо уставился на подтянутого седовласого старца и растерянно пробормотал:

– Я не понимаю...

– I've told you I'm not goin for a sea-trip. See you...[1 - I've told you I'm not goin for a sea-trip. See you. – (англ.) Я сказал вам, что не собираюсь на морскую прогулку. Всего доброго (прим. авт.)]

Потомок Тутанхамона неуверенно кивнул и, надев маску обиженного бассет-хаунда, уныло поплёлся пытаться счастье у лежака следующей «жертвы».

«Надо же, – подумал я, – до чего интересный типаж. Ведь у нас так уже давно не говорят».

– Прошу извинить за беспокойство. По рассеянности я забыл завести часы, и мой брегет безмолвствует. Не будете ли вы любезны подсказать, который час? – с лёгкой, ироничной улыбкой, спрятанной в уголках рта, на меня смотрел крепкий ещё мужчина с завитыми кверху усиками «a la Пуаро».

– Да, конечно, – ответил я и полез в пляжную сумку доставать безотказную «Нокию». На синем электронном табло отсвечивало время. – Тринадцать сорок пять, – невнятно пробормотал я.

– Простите, вы хотите сказать, что уже без четверти два? – уточнил незнакомец.

– Совершенно верно.

– Помилуйте, сударь, мы совсем забыли про обед. А ведь эти господа азиаты не особенно церемонятся с вашими компатриотами, – собирая пляжное полотенце, открывал сермяжную правду неизвестный господин.

– А я, признаться, думал, что мы с вами граждане одной страны, той самой, где сейчас исповедуют суверенную демократию. Разве нет? – пытался сострить я.

– Видите ли, молодой человек, суверенным может быть лишь государство, а демократия не предполагает каких-либо рамок или ограничений, поскольку в этом случае она уже перестаёт отражать чаяния граждан и превращается в их оковы. Это неверное словосочетание, и оно так же ошибочно, как и ваше недавнее изобретение – «демократический централизм». Согласитесь, разговоры о демократическом суверенитете – это очередной новый обман, оправдывающий недоразвитость народовластия в современной России. Что же касается моей территориальной принадлежности, то я, хоть и считаю себя русским, но нахожусь, так сказать, на обратной от вас стороне. Тем не менее, позвольте отрекомендоваться: Фостиков Михаил Архипович, отставной военный.

«Фостиков, Михаил Архипович, – в памяти с невероятной быстротой всплывала историческая справка: принимал участие в известном восстании против большевиков 8 июля 1918 года; командир 1-го Кубанского казачьего полка, впоследствии командовал армией; генерал-лейтенант; имел десяток ранений и пять контузий»...Точно! Похоже, именно его фотографию я видел в доме одного умершего старика ещё в 1994 году... Господи, мистика, да и только! А может быть, это просто совпадение или он – внук нашего знаменитого земляка, названный в честь своего деда? Да ведь он, и впрямь, упомянул, что живёт на противоположной от меня стороне, следовательно, он гражданин Австралии. Всё ясно! Этот старичок – эмигрант в третьем поколении, потому и говорит по-русски, как его учили ещё тогда... В России он, видимо, никогда не бывал и обитает теперь на какой-нибудь богом забытой страусиной ферме...». Устав от догадок, я, наконец, представился:

– Валерий Приволин, адвокат.

– Ого! Присяжный поверенный! Знавал я одного вашего коллегу...Очень уж он был популярен. На Николаевском проспекте жительствовавал. Сам Сергей Аркадьевич Андреевский из столицы ездил к нему советоваться, да-с... А позвольте полюбопытствовать, из каких краев вы будете? – вежливо поинтересовался иностранец.

– Из Красноленинска, – несмело протянул я.

– Надо же, вот уж никак не ожидал, – едва слышно выговорил он и поднял на меня полные грусти усталые глаза. – Из Красноленинска говорите... Раньше он по-другому назывался. Там сейчас октябрь – золотая сень. Красиво. А как город? Я слыхивал, собирались соорудить фуникулёр, и даже воздвигнуть Ледовый дворец...Вероятно уже построили? А в Воронцовской роще, наверное, полно экзотических растений, да? А скажите, господин адвокат, нет ли памятника братьям Ртищевым, казнённым красными на Ярмарочной площади в восемнадцатом? Надеюсь, Иоанно-Мариинский монастырь давно открыли? А Городской голова теперь из местных или пришлых купцов?

Я стоял и молчал, будто в сомнамбулическом оцепенении, готовый провалиться сквозь землю, хотя именно там должны были оказаться все те, кто поочередно, друг за другом, десятилетиями беззастенчиво лез во власть, чтобы успеть разворовать мой город и, распродав его по частям, устроить себе безбедную жизнь и успешную карьеру... И пройдут следующие четыре года после выборов, и снова запестрят на столбах, заборах и ржавых телефонных будках толстые, осоловевшие от излишеств и пороков физиономии кандидатов. Плюхнувшись на мягкие кожаные кресла казённых «Мерседесов», с плохо скрываемой брезгливостью, поедут они встречаться с нищим электоратом в грязные цеха полупустых заводов, в школы и убогие районные больницы. Брызжа сытой слюной, «народные избранники» станут бить себя в грудь и обещать манну небесную... Да только «бойтесь данайцев, дары приносящих!». Но разве мог я сказать ему всё это?

Незаметно мы достигли лифта и расстались, пообещав встретиться в ресторане через несколько минут.

Прошло более часа, но господин Фостиков так не появился. Минут через двадцать улыбчивый портье пояснил мне, что человек с такой фамилией среди отдыхающих не значился, и граждане Австралии здесь вообще никогда не останавливались. Подключившись к интернету, я узнал, что Сергей Аркадьевич

Андреевский, известнейший на всю Россию присяжный поверенный, жил ещё в царское время и скончался в Петрограде от воспаления лёгких девятого ноября 1918 года. «Ну вот, – подумал я, – получается, что я вновь вернулся к истории пятнадцатилетней давности. Но тогда всё начиналось по-другому...».

Глава 1. Пустая квартира

15 октября 1994 г., г. Красноленинск.

Дом стоял в самом центре Красноленинска. Это была двухэтажная малогабаритка, построенная в послевоенные годы немецкими военнопленными. Я и сам когда-то в таком родился и прожил до двадцати трёх лет. Правда, моё родовое гнездо находилось на городской окраине, а это здание располагалось в самом центре, в двух шагах от главной площади, всё ещё носившей имя вождя мирового пролетариата.

В коридоре пахло сыростью и мышами. Скрипели потёртые деревянные ступени, а перила, выкрашенные в такой же коричневый цвет, были настолько расшатаны, что скорее напоминали корабельные ванты. Квартира, в которую нам предстояло забраться, числилась под номером пять.

Признаться, эта затея мне не понравилась с самого начала, но Алик твердил, что это наш единственный шанс, другого может и не быть.

Квартирой владел одинокий старик, скончавшийся прошлой ночью. Ещё совсем недавно он перешагнул девяностопятилетний юбилей, и ему давно, выражаясь словами моего приятеля, «пора было заказывать «номер» на Сажевом» (так у нас называли новое городское кладбище, устроенное неподалёку от Сажевого завода).

Надо сказать, что почивший слыл колоритной личностью. Он ходил с тростью с ручкой в виде гусиной головы и всегда, даже летом, носил костюмы ветхозаветного покроя. Я однажды заметил, что сбоку, из лацкана его пиджака, выглядывал конский волос. Потом я узнал, что это отличительная особенность

известной английской фирмы, шившей такую одежду полвека назад.

Дед – как мы его называли между собой – по воскресеньям толкался на антикварном развале, высматривая редкие экземпляры монет или просто какую-нибудь мелочь: медную пуговицу с гусарского мундира, дореволюционный полицейский незильберовый свисток, нательные крестики, открытые письма или бронзовые подсвечники. Если ему что-то нравилось, он тут же лез за бумажником и даже не пытался сбивать цену. Так, однажды, он отдал почти две моих учительских зарплаты за дореволюционный значок присяжного поверенного. Вещь редкая, и стоила немало. И кто знает, не «новодел» ли? Мне стало жаль старика, и я заметил, что можно было бы купить значок дешевле. Продавец Васильич не жлоб и, наверняка, сбросил бы десятку-другую.

– Мельник не торгуется за нужный ему камень, – сухо ответил Дед и, выкидывая вперёд трость, зашагал вниз по бульвару.

– Здорово он тебя отбрил, – усмехнулся Алик, глядя ему вслед. – Надо же, какой фрукт выискался! Держится будто сиятельный князь. Интересно, откуда он взялся? Он даже разговаривает как-то не так, по-барски что ли...

– Да, – согласился я, – и не «гэкает», и чётко произносит окончания слов.

– Видать не здешний, не с Кавказа, – предположил мой старый школьный товарищ.

– С каких, ребята, он краёв я не знаю, – вмешался в беседу довольный Васильич, шурша купюрами дневной выручки, – но слышал, что кличут его Мстиславом Никаноровичем и, похоже, он то ли бывший дипломат, то ли эмигрант какой-то. В начале шестидесятых, при Хрущёве, много таких вернулось в Союз.

– Каких «таких»? – уточнил Алик.

– Ну, буржуев этих, из бывших которые, – уточнил пролетарий рыночной торговли и лихо перетянул резинкой капитал ценителя старины. – Он сразу же купил кооперативную квартиру, а потом, говорят, разменял её, чтобы жить поближе к Тифлисским воротам.

– К чему? – снова переспросил Алик.

– По улице Карла Маркса, а она именовалась Николаевским проспектом, раньше, в самом начале бульвара, стояли Тифлиссские ворота. Их потом разрушили при советской власти, – пояснил я.

Вот такой разговор случился пару лет назад. Но вчера ночью этого сухопарого старика не стало. Алик узнал об этом почти сразу от его соседки Леночки – замужней полногрудой дамы тридцати пяти лет, отдававшей моему другу своё горячее, ищущее ласок тело в отсутствие мужа.

– Ты пойми, – убеждал меня он, – это ведь никакая не кража. И ты, как умный человек должен это понимать! У него нет наследников. А значит, всё достанется, так называемому, государству, то есть мусорам, прокурорам и следакам! Хоть раз послушай меня! Давай сходим, посмотрим. Из любопытства. Мы же деньги или золото брать не будем. Мы же не домушники-скокари. Безделицу какую-нибудь на память прихватим. Может, книгу или хоть тот же значок присяжного поверенного. Ну, не дрейфь, Валера, не тушуйся! «Скорая» уехала, а квартиру Ленка досматривает. Сегодня как раз её дома не будет. Они в гостях с мужем. А ключ она сунула в почтовый ящик и участковому позвонила, мол, всё в порядке, квартира на замке. Она сама мне об этом проболталась. Медлить нельзя, надо идти прямо сейчас. Мы и так с тобой в долгах. За изъятые кагэбэшником иконы всё равно придётся расплачиваться. С Самиром шутки плохи. И уборкой лука в Гудермесе мы с тобой не отделаемся. Ну, неужели ты этого не понимаешь?

– Ладно, – махнул я рукой, – пошли. Но только чур не барыжничать!
Договорились?

– Зуб даю! Ценные бумаги и золотишко не трону. А вот библию Гутенберга, пожалуй, прихватчу! – сострил Алик и улыбнулся своей обезоруживавшей улыбкой, которую так ценили замужние дамы бальзаковского возраста.

Глава 2. Конфуций и саморезы

Антиквариатом я стал заниматься вместе с Аликом, а точнее – с Альбертом Клейстом, еще недавно уходившим в длинные, как полярные ночи, запои, которые тянулись у него две недели.

Эти четырнадцать дней были тем благословенным временем, когда, как говаривал Алик, он не сталкивался с опостылевшей действительностью внешнего мира. Он называл этот период отпуском. И готовился к нему основательно: несколько банок кабачковой икры, рыбные и мясные консервы, ящик портвейна, две дюжины бутылок водки и батарея пивных бутылок позволяли чувствовать себя уверенным в завтрашнем дне. Два блока «Стюардессы» ждали своего часа на облупившемся от солнца подоконнике.

В такие дни мой приятель занавешивал зеркало полотенцем. По его словам этот «ритуал покровы» носил сакральный характер, ибо Алик считал запои неким актом инициации, когда его брэнное тело переживало символическую смерть и душа его, проходя через катарсис многими литрами спиртосодержащей жидкости, являлась миру очищенной и обновленной. Однако я всегда был уверен, что тряпки на зеркалах выполняли вполне утилитарную функцию. Они позволяли Алику не замечать свою многодневную небритость, мешки под глазами да и весь остальной экстерьер, который за эти дни приобретал цвет баклажана, забытого на мангале шашлычником.

Сначала он пил за упокой родителей, а потом за здоровье своей дочери и за товарища армейского старшину, «любовно» именовавшего Алика то Клейстером, то Клистиром. Запас продуктов давал возможность оставаться наедине с собственными мыслями. Впрок нельзя было запастись только свежим хлебом.

От дома до магазина было не больше двухсот метров. Иногда по утрам Алик ходил разгружать машину с надписью «Хлеб». Он любил чувствовать свежий пшеничный аромат и ловить на себе добрые взгляды водителя и продавца, которые всегда с благодарностью протягивали ему тёплую буханку.

Простой белый кирпичик, стоивший когда-то двадцать копеек, он ценил особенно, потому что с него начиналось утро в их некогда дружной семье, когда они с братом благоговейно смотрели, как отец сильными руками нарезал ломти к завтраку. Мать тихо и с улыбкой сожалела, что к своим сорока годам он так и не научился резать ровно.

Дома родитель всегда величал его Альбертом, и только на улице все звали его Аликом. Это было давно. Отец ушел рано, так и не дождавшись возвращения сына из армии. Мать пережила мужа всего на три года. Младший брат удачно женился и занял должность «заместителя тестя» в одной строительной компании. На отцовский дом брат не претендовал, нет. Дай Бог ему за это здоровья.

Тогда, в конце восьмидесятых, потеряв мать, Алик впервые почувствовал себя одиноко и, наверное, поэтому быстро и сдуру женился на Клавке – продавщице хлебного ларька, которая всегда внимательно слушала его занимательные армейские истории и, чтобы подчеркнуть свою заинтересованность, время от времени прерывала его рассказ нейтральным: «Да ты чо?»

Из множества прилипал стремившихся предложить Клавке лишь обоюдодоприятные развлечения в сомнительных летних кухнях, дачах и на парковых лавочках, Алик был единственным, кто ухаживал как настоящий кавалер и не пытался сразу затащить юное создание в постель.

Свадьбу сыграли быстро. Клава перебралась из ПТУшной общаги в большой дом. Паспорт теперь у неё был совсем другой, с городской пропиской и непонятной немецкой фамилией Клейст.

Алик начал раздражать её почти сразу и во всем. Во-первых, он совсем не пил и никогда не курил, по утрам делал зарядку и бегал кросс. Привыкшая к беспорядку ещё дома, а затем и в общежитии, она с плохо скрываемым раздражением наблюдала, как муж каждый вечер тщательно вешал брюки, сохраняя стрелки, а утром до блеска начищал туфли и шел на свою стройку. Больше всего её возмущало, что он всегда знал, что и где лежало. Они как будто поменялись ролями: он делал то, что обычно русские мужики не делают, и ей волей-неволей приходилось следовать правилам врожденной немецкой педантичности. Так же её бесил это хриплый антисоветчик Высоцкий, чьи пластинки Алик ставил на старенький проигрыватель «Аккорд» и слушал часами. А ещё читал книги каких-то мудреных китайских философов, потом закрывался в комнате и почти до утра что-то писал. Однажды она не вытерпела и прочитала эти дневники – полный бред и сплошное нытьё.

Через год она родила ему дочь. Он сам построил рядом с домом времянку, которую называл гордым словом «кабинет» и всё чаще засиживался там до утра.

Однажды, жарким августовским вечером, вернувшись после окончания очередной месячной вахты с какого-то объекта, он не смог сразу попасть домой. Клавка и навестивший её одноклассник слишком долго не открывали дверь, а потом смущенно объясняли эту задержку то ли погнутым ключом, то ли сломанным замком. Впрочем, покрасневшее Клавкино лицо и растрепанная прическа говорили громче всяких слов. Алик молча ушел в свой «кабинет», забрав только книги, проигрыватель с любимыми пластинками и таксу по кличке Геббельс.

На следующее утро изумленная Клавка увидела из окна не раскидистые ветви шпанской вишни, а двухметровую пахнущую свежим раствором кирпичную стену. Стена разделила двор, а также их – уже бывшую – семью надвое. Автор и исполнитель сего монументального творения в это время дрых без задних ног на улице прямо в тачке с песком. Это была его личная Берлинская стена, как та, что он видел в Германии, на своей исторической Родине, когда служил срочную.

Официального развода не было. Он отдавал бывшей семье почти всё, что зарабатывал, оставляя себе лишь малую часть.

С тех пор, как он осознал измену жены, его жизнь и мироощущение перевернулось. Вино и сигареты стали постоянными спутниками. Ему нравилось так жить: читать Конфуция, прихлёбывая любимый сладковатый венгерский портвейн, а потом, на ужин, поджарив яичницу с салом, выпить стопку водки и, через открытое окно слушать шум падающей осенней листвы. В такие минуты он полностью растворялся в собственном существовании и находил его великолепным.

Личное отношение к жизни он сформулировал в десяти правилах, которым, по возможности, старался следовать. Главным из них считал первое: «не завидуй успеху ближнего, ведь никто не знает, чего ему это стоило».

Бывшая половина возненавидела Алику за его независимость и категорический отказ простить её. Как минимум раз в месяц Клавка писала на него заявление в милицию и вызывала местного красномордого и постоянно пьяного участкового Кольку Колеухо – и дал же Бог ему фамилию, которая так забавно читалась наоборот! Этот «шериф» был известен тем, что под видом проверки паспортного режима, осчастливливал местных невостребованных женщин. Однако в виду большого количества свободных дам, дарить подарки как настоящий любовник он не мог, а наказывать того, на кого они укажут, был как юный пионер «всегда

ГОТОВ».

С тех пор и начались постоянные неприятности у Алика с милицией, чего не скажешь о его бывшей жене. Алика забирали каждый раз, когда он пытался начать запой. Такие отлучки из дома он прозвал «командировками».

В первое свое посещение участка он отмалчивался и отвечал лишь на те вопросы, которые ему нравились.

– Фамилия? Имя? Отчество?

Алик почувствовал противный кислый запах изо рта милиционера и брезгливо отвернулся к стене, на которой соседствовали план-схема разборки пистолета ПМ и плакат пышногрудой поп-дивы Саманты Фокс.

– Ну, немчура проклятая, смотри, мы тебя заставим говорить, ворона ты белая, – приблизившись почти вплотную к его лицу, гримасничая, произнёс мент.

Алик встрепенулся и с интересом взглянул в глаза сержанту:

– А к слову сказать, белую ворону найти гораздо легче, чем верную жену. Вот вы гражданин начальник, человек женатый?

– Ну, допустим, женат. А что?

– А жене доверяете?

– Ещё бы!

– А вы, гражданин лейтенант? – не унимался задержанный.

– Ну да, уже пять лет как женат, – тупо уставился на собеседника стеклянными глазами офицер, прикидывая – не перетянуть ли этого любопытного «демократизатором»[2 - Так тогда называли резиновую полицейскую дубинку (прим. авт.).] по хребту. Но любопытство пересилило.

– И тоже доверяете? – весело спросил Алик.

– А как же, я её насквозь вижу, – гадливо хмыкнул толстый, угловатый, похожий на армейскую табуретку лейтенант.

– А вы гражданин участковый?

– Да, а то ты не знаешь, устроил тут викторину...

– А скажите, пожалуйста, уважаемые граждане милицейские начальники, приходилась ли вам когда-нибудь спать с замужними женщинами? – тоном пытливого юнца из заставки советского киножурнала «Хочу всё знать» поинтересовался Алик.

– Конечно, и не раз, – смеясь ему в лицо, ответил за всех участковый, – а хочешь, я тебе расскажу, что я делаю с ними? Особенно с теми, которых Клавками зовут?

– Так вот, – пропустив мимо ушей оскорбительные слова, продолжал рассуждать Алик, – если из четырёх сидящих здесь женатых мужиков каждый неоднократно спал с разными замужними женщинами, то неужели вы думаете, что кто-то не спал хотя бы с одной из ваших четырех жен? А вы мне говорите – «ворона белая»! Все вороны чёр-ны-е!

Семя сомнения проросло в душах всех присутствующих. Каждый из них как-то грустно задумался, а потом все заторопились куда-то, якобы, по делам, а на самом деле – домой.

В награду за лекцию о законах статистики Алика закрыли на ночь в холодной комнате наедине с милицейской овчаркой. Подружившись с собакой, сиделец умудрился снять с неё дорогой кожаный ошейник.

К утру Алика отпустили. Выйдя из серого здания, Алик опустошил мочевого пузыря прямо на оббитую синим дерматином дверь опорного пункта, и с чувством выполненного долга, отправился домой. Надо отметить, что после этой философской беседы, интерес у правоохранительных органов к нему надолго пропал.

Придя домой он, смеха ради, надел добытый в милицейских застенках трофеем на маленькую и тонкую шею таксы – верного Геббельса.

– Носите на здоровье, герр рейхсканцлер, он из Польши, – торжественно объявил Алик и ухмыльнулся своей геополитической шутке. Хотя его любимый Геббельс был совсем не герр, а вовсе даже и фрау. А такую обидную кличку ему, а точнее ей, дала стервозная Клавка, за то, что щенок сызмальства постоянно потягивал на кошек, ежей и прочую живность, сновавшую ночами по ташлянским огородам. Сказывалось охотничье происхождение.

– Вот же ш, скотина, все брешет и брешет, – сокрушалась Клавка, – шо твой Геббельс с трибуны.

О том, что собака женского пола, Клавка и Алик узнали гораздо позднее. Как-то раз Алик даже попытался воспользоваться этим обстоятельством и заделаться собаководом, или, как он себя величал на латинский манер – «канинозаводчиком». Из всех документов у Геббельса имелось только требование водоканала об оплате задолженности, случайно попавшее в собачий желудок и давно переварившееся. Вина за это происшествие целиком и полностью лежала на хозяине, резавшем колбасу на этой злосчастной бумаге. Посему дорога в собачий клуб им обоим была заказана. Оставался только вариант с объявлением в газету. Зная от знакомых собачников, что кличка животного важна для вязки, так как ее первую букву назначает клуб для отслеживания разных селекционных мероприятий, Алик тщательно подбирал слова. Однако вредная тетка-приёмщица наотрез отказалась отправлять в печать объявление с текстом: «предлагается для вязки добрая сука Геббельс». На этом карьера «канинозаводчика» и закончилась.

На следующее утро он решил начать новую жизнь. После холодного душа в голове появилась ясность. Он удобно устроился за старым отцовским письменным столом. Достал из ящика пузырёк чернил «Радуга», наполнил чернильницу из темного стекла, такие стояли раньше во всех почтовых отделениях страны, обмакнул стальное перо и крупными печатными буквами вывел на слегка пожелтевшем от времени листе слово «ЖЕРТВА», поставил тире и вопросительный знак. А теперь её надо было выбрать. «Благородный муж постигает справедливость. Малый человек постигает выгоду» – мысленно процитировал Алик цитату великого Конфуция.

На первый раз долго думать не пришлось. Из окна, рядом стоящего дома, донесся матерный крик соседа, собиравшегося на рынок торговать саморезами, дюбелями, сверлами и другой украденной с родного завода «Красный металлист» продукцией. За свою способность проносить все это добро в безразмерной пыжиковой шапке заводские острословы прозвали его Страшила Мудрый в честь героя книжки «Волшебник Изумрудного города».

Альберта давно раздражал этот наглый и бессовестный хам, который жил с ним бок о бок уже лет десять и, время от времени, приставал к его, пусть даже бывшей, жене. Это обстоятельство, кстати, не мешало соседу называть дочь Алика фашисткой внучкой.

Особенно мерзко становилось на душе в минуты, когда сосед, народный заседатель областного суда – Виктор Андреевич Чесноков, – с гордостью хвалился, кому и сколько лет лишения свободы он «влепил».

План созрел сам собой. Для этого пришлось набрать в сарае пару сумок, оставшихся со стройки саморезов. Затем Алик отправился к ближайшей пивной, подобрал двух изнывающих от жесткого сушняка помощников, пообещав им пару пузырей за интересное дело. Всё ж веселее, чем приставать к прохожим с просьбами пожертвовать гривенник в пользу инвалидов, получивших «страшный ДЦП в ужасном ДТП».

На рынке один из них подошел к народному избраннику и с радостным возгласом «наконец-то нашел!» зачерпнул горсть изделий в руку и спросил цену.

– Отдам по десять рублей за штуку, – с готовностью ответил сосед.

– Сколько их у тебя? – небрежно уточнил покупатель.

– Штук пятьдесят насобираем, саморезы хорошие, берите, пока есть, – скороговоркой пропел Чесноков.

– Мало, очень мало, – расстроено покачал головой «покупатель». – Давай так, мне надо три тысячи штук. Объект, понимаешь, горит, а они в дефиците. Я тут ещё кое-что купить должен, через час вернусь. Если найдешь три тысячи – возьму по пятнашке за штуку. Тащи, земля, да побыстрей, – ассистент чуть было не добавил: «давай, жиртрест, кабанчиком», но вовремя спохватился,

перешел на другую сторону улицы и скрылся из виду.

Как ошпаренный, Виктор Андреевич бросился по торговым рядам и почти сразу натолкнулся на бомжеватого вида продавца, распахнувшего две битком набитые сумки точно таких же саморезов.

- Почем саморезы, братишка? - ласково осведомился он.

- Тринадцать рублей штука, сестричка, - съязвил продавец.

- Им красная цена пятёрка, - не унимался Чесноков.

- Ты спросил, я ответил, - не уступал второй ассистент.

Гигантская жаба боролась в душе купца с не уступающей ей в размерах жаждой наживы. Последняя явно брала верх.

- А сколько их у тебя? - все выпрашивал народный заседатель.

- Тыщи три наберется, - растоптав окурок кирзовым сапогом, хриплым голосом пробасил бородатый мужик.

- Ладно, возьму все, - Виктор Андреевич посчитал, что он все равно даже при такой цене останется в хорошем «наваре». Отдав почти сорок тысяч рублей, довольный, он забрал две сумки и, вспомнив любимую пословицу: «своя ноша не тянет», расположился у прилавка, в ожидании оптового покупателя.

Время тянулось медленно.

Покупатель не пришел.

Чеснокову долго не хотелось верить в то, что его обманули.

Последняя надежда на упавшие с неба деньги испарилась вместе с настоятельной просьбой охранника освободить прилавки:

– Рынок закрывается, дядя.

Понурился, с трудом передвигая ватные ноги, горе-продавец почти волочил по земле две сумки купленного втридорога товара, и, казалось, что даже его душа чувствовала легкость осиротевшего от купюр бумажника.

Зло было наказано. Альберт Клейст остался доволен и уже точно знал, кто будет следующей жертвой.

В общем, Алик так бы и промышлял по мелочам, если бы не устроился экспедитором на красноленинский мясокомбинат, а в неурочное время не занимался бы со мной антиквариатом.

Глава 3. «Hard day's night»[3 - Hard day's night – (англ.) вечер трудного дня, так называлась одна из песен группы «Битлз» (прим. авт.).]

Ленка не обманула. Ключ от седьмой квартиры лежал в почтовом ящике. Он легко вонзился в стальное сердце замка и провернулся дважды. Дверь противно скрипнула, будто куском пенопласта провели по стеклу, и от этого предательского звука я невольно вздрогнул.

Войдя в комнату через небольшой коридор, мы с Аликом остолбенели. Казалось, что машина времени перенесла нас лет на восемьдесят назад, во времена разудалых купцов и надменных присяжных поверенных.

Здесь всё было не так, как в наших квартирах. Даже запах стоял какой-то особенный, благородный. Так обычно пахнет в библиотеках и музеях. Хозяин комнаты, очевидно, скупал на блошиных рынках всё, что относилось ко времени позднего Чехова.

В книжном шкафу мне попала на глаза фотографическая карточка. На ней был запечатлён уже немолодой казачий генерал с открытым и мужественным лицом. Ведомый неясным желанием, я открыл стеклянную дверцу, взял фотографию и прочёл на обороте: «Ст. сов. М.Н. Воротынцеву на добрую память 17.11.19 г.». «Так, фамилия Деда Воротынцев – мысленно рассудил я. – Только странно:

старик умер в 95 лет, сейчас 1994, следовательно, он родился в 1899 году. Стало быть, в 1919 ему было всего двадцать лет, и статским советником он никак не мог быть... Тогда как всё это понимать?».

Все четыре стены были увешаны картинами разных размеров. Особенно меня поразила одна, написанная маслом. Я стоял перед ней как замороженный. На тёмной поверхности холста была изображена открытая, примерно посередине, книга. На её страницах лежали забытые кем-то золотые карманные часы с длинной, свисающей вниз цепочкой. Догорающая свеча в бронзовом подсвечнике бросала тусклый свет на фолиант. Из толстого среза страниц выглядывало оставленное, ещё в самом начале, ляссе. «Так и наша жизнь, – подумал я. – Прожив её, успеваем узнать, в лучшем случае, половину того, что могли бы. А всё потому, что бездарно и расточительно тратим отпущенное судьбой время».

– Вот это стол, Валера, смотри! – воскликнул Алик.

Да, письменный стол был, действительно, уникален. Рабочая поверхность, обтянутая зелёной материей, так и располагала к тому, чтобы за ним работать. Справа стояла лампа с зелёным абажуром. Слева – пресс-папье с бронзовой ручкой, письменный прибор с двумя чернильницами и подставкой для перьевых ручек. Таковых я насчитал целых четыре. Тут же – спиртовая свеча с вставленным в специальное приспособление коробком спичек и костяной нож для разрезания книг в виде меча в ножнах.

Я открыл ящик стола – прямо на меня смотрела дорогая записная книжка в кожаном переплёте с золотым срезом. Все страницы были испещрены какими-то датами. Причём некоторые из них относились к концу девятнадцатого и началу двадцатого века. Напротив, каждой из них стояли галочки. Вдруг со двора донёсся звук подъехавшей машины. Алик посмотрел в окно и воскликнул:

– Смываемся! Наверное, участковый с домоуправшей приехали. Квартиру будут опечатывать.

Повинуясь какому-то внутреннему чувству, я сунул записную книжку в карман и только потом побежал к дверям. Мы едва успели выскочить из квартиры и спуститься по ступенькам, как у входной двери нам путь преградила весьма неприятная парочка из тощего, как пожарный рукав, милиционера и

безобразной тётки лет пятидесяти, с талией, равной диаметру нашего тысячелетнего дуба, под которым, по преданью сидели и Пушкин, и Лермонтов.

– А вы к кому ходили? – вдруг осведомилась толстуха, искоса поглядывая на стража порядка.

– К Хорошиловым, в восьмую. Только их нет. А что? – в свою очередь спросил Алик.

– Да нет, ничего, – ответил лейтенант. – Это мы так, на всякий случай. Домушники наглеют. Время сами знаете, какое... Да и старик из седьмой умер. Квартира осталась бесхозной.

– Жаль, – сказала тётка. – Хороший был человек Мстислав Никанорович, вежливый.

– Как вы сказали? – переспросил я. – Мстислав Никанорович?

– Да, Воротынцев Мстислав Никанорович – подтвердила она. – А вы что... его знали?

– Нет. Просто так звали моего умершего дядю, – соврал я.

– Имя отчество редкое, но и такие совпадения бывают, – пожал плечами участковый.

– Это да, – поддакнул Алик. – Я вот слышал, что в абхазской милиции сын Снежного Человека служил. Бывает же такое!

Участковый с подозрением глянул на полночного эрудита, пытаюсь выявить признаки издевательства над мундиром российского милиционера, но академический тон Алика его успокоил.

Мы кивнули и выскользнули на улицу. Алик был раздосадован тем, что не успел набить сумку антиквариатом. Правда, серебряный значок присяжного поверенного он всё-таки забрал.

– Вот же тварюги, такую делюгу обломали, – он дыхнул на значок и потер его о рукав куртки.

– Слушай, а ведь мы не закрыли квартиру. Ключ остался в дверях. Боюсь, у Ленки будут проблемы. Надо же, какой неудачный день! – с сожалением проговорил я.

– Да нет, не думаю. Скажет, что в её отсутствие, видимо, кто-то залез в почтовый ящик и принялся подбирать ключ к ближайшим квартирам. Ленка умная, выкрутится. Знаешь, она однажды у меня до полдвенадцатого ночи задержалась. Не уходит и всё. У меня уже сил никаких не осталось, а она всё: «хочу ещё, хочу ещё». Ну ладно... Ещё час прошёл. Я беспокоиться начал, что её мусор по возвращению скандал устроит. Он, когда напивается – дурак дураком. Звонит всем, чьи телефонные номера помнит. На дворе ночь, люди спят давно, а он – нет, упорно дозванивается до знакомых, ругается, отношения выясняет, буровит что-то.... А утром молчит, пытаюсь припомнить вчерашние «подвиги» и домашний квас пьёт. Мусора они все такие – с придурью. Там же нормальных людей – раз, два и обчёлся... Зарплаты у них, сам знаешь, какие – кошкины слёзы. Все более или менее толковые сотрудники разбежались. Кто в частные детективы подался, а кто к братве переметнулся, ЧОПы возглавил. Только такие бараны, как Петька, и остались. Так вот, я спрашиваю у неё: «А что ты своему супругнику скажешь, когда явишься?» – Она засмеялась и говорит: «Скажу, ему, что зашла в гости к знакомой подруге-челночнице. Засиделись, поговорили, выпили. Она батники из Трабзона возит. Вот выбрала тебе один, кажется, неплохой. Примерь, думаю, подойдёт». И добавляет тут же, что рубашка, и правда, в том пакете, что она с собой принесла. Представляешь? Выходит, она её заранее купила, но ему не отдала. Так что, Валера, правильно мы с тобой сделали, что ушли от наших баб.

Я ничего не ответил, только приостановился, открыл портсигар и достал «Camel» без фильтра, тот самый, что входит в паёк американских солдат (блок этого удовольствия я получил в подарок от командированного в Красноленинск по линии городов-побратимов американца Джерри Перкинса). К тому времени мой брак дал глубокую, размером с Гранд Каньон трещину, и я опять был свободен, но с женой не разводился, а просто жил отдельно.

До самой Ташлы мы шли пешком. Ветер сбрасывал с деревьев листья и качал фонари. Автобусы в это время ходили редко. Да и мало их осталось. Венгерские «Икарусы», украинские ЛАЗы и российские ЛиАЗы почти все рассыпались.

Вместо них появились, так называемые, «маршрутки» из «Кубанцев», ПАЗиков и РАФов.

Расписание движения и интервалы, указанные на жёлтых прямоугольниках остановок, вывешенные ещё во времена Советского Союза, никто не соблюдал, и каждый водитель заканчивал работу, когда вздумается.

Всего три года прошло, как распался СССР, а Красноленинск изменился до неузнаваемости. На стадионе «Динамо» сделали вещевого рынок. Весь город покрылся, точно бородавками, железными киосками. Ассортимент этих «Мини-маркетов» был везде одинаков: ликёр «Амаретто», голландский спирт «Royal», водка «Белый орёл», «палёнка» из Владикавказа, импортное пиво, сигареты (длинный «Pall-Mall», «Bond», «Camel»), шоколадки и сладости («Tweeeks», «Bounty», Mars», «Snickers», «Wagon Weels», «Mamba», которую «все любили»), химические напитки («Invait» и «Yupi» – им надо было «просто добавить воды») и «Hershi-Cola» «со вкусом победы». Пластиковых стаканчиков в продаже не было, и постоянным клиентам продавец ларька выдавал разрезанную пополам пивную банку (с последующим обязательным возвратом). Её-то и пускали по кругу собутыльники. Такие же стаканчики, только с загнутыми на манер цветочных лепестков краями, можно было увидеть в кафе вместо пепельниц или вазочек для цветов. Я помню реакцию на них того самого Джери Перкинса из города-побратима Де Мойна (штат Айова), зашедшего перекусить вместе со мной в кафе-ресторан «Птица», где продавали жаренных цыплят. Он рассматривал эти образцы русских «очумелых ручек» с таким интересом, будто нашёл личную печать Джорджа Вашингтона. Но ещё больше американца удивило то, что вместо салфеток на столах стояли рулоны с серой туалетной бумагой.

В ту пору я бросил работу в школе, получил патент и преподавал английский в здании пожарной части, где за две бутылки пятизвёздочного армянского коньяка в месяц, с шести до десяти вечера арендовал кабинет начальника. Иногда ещё подрабатывал переводчиком в «Доме дружбы». Там у меня появилась возможность «знакомить» иностранцев с русским антиквариатом. Это приносило хороший доход. Но такой многообещающий гешефт неожиданно закончился из-за одного неприятного случая. Дело было так. В Красноленинск приехала большая делегация врачей из Амстердама. Естественно, по-голландски в нашем городе никто не говорил, и поскольку общение предполагалось на языке Шекспира, меня попросили сопровождать гостей в течение дня. Перед этим я всю ночь заучивал разные заболевания на латыни. Намучался тогда с ними... В Краевой больнице возник неприятный момент: голландский врач

подарил нашему доктору набор хирургических инструментов. Растроганный подарком русский кардиолог развернул свёрток и тут мы все увидели, что некоторые из принадлежностей уже покрылись ржавчиной. Повисла гнетущая тишина, и я, чтобы сгладить неловкость, предложил гостям пройти в следующее отделение.

А вечером прямо в номер одного из иностранцев – того, который особенно «интересовался русской историей» – Алик занес два дипломата. В одном лежали иконы, взятые под честное слово у Самира (местного предпринимателя с сомнительной репутацией), а в другом – неплохая коллекция дореволюционных наград. И когда Альберт уже опустил хрустящие доллары в карман, в комнату вошёл представитель той самой организации, которую двадцатого декабря 1917 года основал Железный Феликс. Иностранец, понятное дело, тут же отказался и от денег, и от антиквариата. Чекист забрал у Алика два дипломата и валюту. Никаких протоколов не составляли. На выходе человек «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» пообещал моему другу, что со дня на день вызовет на допрос. Но прошла неделя, потом другая, от контрразведчика не было ни слуху, ни духу. А вскоре мы увидели весь наш товар в антикварной лавке на проспекте Октябрьской революции, куда лукавый сын Ежова и Берии сдал оптом трофеи через подставное лицо. Мы честно рассказали Самире о нашей неудаче и попросили дать отсрочку по выплате долга на два месяца. Естественно, мы не забыли упомянуть одиннадцатое октября – «чёрный вторник», – когда произошло обвальное падение рубля, и за один день на ММВБ курс доллара поднялся с 2833 до 3926 рублей.

Чеченец слушал нас очень внимательно, не перебивал, ел рахат-лукум, пил кофе и понимающе кивал. Когда мы замолчали, он поцокал языком и вынес вердикт: пять тысяч долларов – сумма его убытка – должна быть возвращена через тридцать дней, а проценты – пятьсот баксов – он великодушно растянул на два месяца. Ни о каком «счётчике» речь не шла. Да в этом и не было необходимости. Мы всё прекрасно понимали. В городе не было людей, готовых перечить Самире. Лишь однажды это правило нарушили. В тот день машина Самира ненароком задела новенькую «восьмёрку» прапорщика из ВДВ, только что вернувшегося на побывку в Красноленинск из Приднестровья.

Охранник и водитель Самира вместо извинений принялись оскорблять десантника. Тогда тот, недолго думая, отработанными ударами уложил на землю обоих, а потом выволок из «Мерседеса» и самого хозяина. Последний, испугавшись, откупился какой-то денежной суммой. Многие были уверены, что

прапорщик не проживёт и суток. Ведь Самир никогда не прощал унижения. Но оказалось, что смелый вояка – брат авторитетного ростовского вора. По этому поводу было много «разборок», но, в конце концов, военного оставили в покое.

Вскоре мы с Аликом добрались до Ташлы. Району дали неофициальное имя по названию реки, разрезавшей городское предместье на две неравные части.

На нашем пути встретилось старое, ещё дореволюционное здание. Большая вывеска с линялыми буквами гласила: «Баня». Именно сюда мы ходили с отцом каждую субботу. Особенно мне запомнилось одно предновогоднее посещение. Господи, когда же это было? Да и было ли?..

Вдоль грязных, затёртых куртками стен банного коридора, на выкрашенных в синий цвет деревянных откидных креслах сидели люди. Многолетний толстый слой краски на подлокотниках кое-где облупился и обнажил древесину, местами побитую шашелем. Засиженная мухами лампочка тускло освещала усталые лица мужчин, нервно поглядывающих на часы. Помещение давно пропиталось запахом невымытых тел и горького табака. В углу шла оживлённая беседа, и хоть большинство слов было не разобрать, но из разговора словесными кузнечиками выскакивали знакомые фамилии: Михайлов, Петров, Харламов, Якушев. От приглушённого бормотания, прерываемого редким хлопаньем дверей, создавалось впечатление, что работает большой ламповый приёмник, временами теряющий волну. Измученный духотой и ожиданием народ растерянно поглядывал на бесполезное, заколоченное окно.

Одиноким, уродливым глазом Циклопа смотрелось полукруглое застекленное отверстие с надписью «касса» и в нём, как в черно-белом телевизоре помещалось недоброе женское лицо. Кассирша, наверное, могла бы сойти за диктора программы «Время», если бы не слетающие с её уст длинные витиеватые выражения в адрес тех, кто слишком долго позволял себе держать входную дверь открытой, впуская вместе с облаками папиросно-сигаретного дыма и холод продрогшей улицы.

Я – первоклассник с алой октябрятской звёздочкой на лацкане серого пиджака – стоял, прислонившись к дверному косяку рядом с отцом, и, как мне тогда казалось, ловил направленные в его сторону почтительные взгляды. Он читал «Красную звезду» и тем, видимо, вызывал интерес. «Ах, если бы они только знали, что папа воевал, а потом служил офицером на Крайнем Севере! А сейчас... а сейчас он лучше всех играет в шахматы!» – проносилось у меня в

голове, и мне становилось немного обидно, за то, что он теперь пенсионер, хоть и военный, и работает простым завхозом. В руке я сжимал два маленьких металлических жетона с наклеенными на них кусочками бумаги из школьной тетради в клеточку. На одном нетвёрдой рукой была выведена цифра 18, а на другом – 26. Это были выданные нам номера шкафчиков в раздевалке предбанника, которые совсем не запирались и напоминали собой деревянные ученические пеналы.

За дверью не переставая, жужжала электрическая машинка, и слышались весёлые возгласы парикмахерши – толстой смешливой армянки в белом, застиранном халате. Стрижка стоила недорого, но детей чаще подстригали дома ручными механическими машинками. Была такая и у нас. И хоть я всегда просил маму сделать «канадку», она всякий раз старательно оболванивала меня, оставляя только чубчик, похожий на пучок редиски. А сейчас, когда мы заняли очередь к парикмахеру, я радостно отстукивал по дверному косяку металлическими номерками ритм собачьего вальса, предвкушая настоящую взрослую «канадку», такую, как у моего любимого брата. Он был старше меня на целых пятнадцать лет, и я во всём старался походить на него. Наверное, поэтому я вставил в самодельный медальон его фотографию и тайно носил под школьной сорочкой. Но учительница заметила белую нитку и, решив, что это православный крестик, вызвала в школу родителей. Правда, на следующий день недоразумение благополучно разрешилось.

Скоро заветное желание исполнилось, и моя голова, слегка пахнувшая машинным маслом, обрела долгожданный вид.

Главным в бане был Петрович – молчаливый, однорукий старик, которого все звали по отчеству. Про него рассказывали, что во время войны, командуя ротой, он получил тяжёлое ранение и попал в плен. Родина «наградила» боевого офицера десятью годами лагерной каторги. Но, несмотря на это, он пользовался уважением, и я никогда не слышал, чтобы во время его дежурства случилась пропажа или возникла ссора. Если кто-то подолгу засиживался, банщик вежливо напоминал, что за дверью ожидает слишком большая очередь.

В помывочной не хватало тазиков, часто засорялся сток, и лужи мыльной воды соединялись в одно большое рукотворное море. Мужики звали Петровича и он, вооружённый длинной, как копьё Дон-Кихота, проволокой, устранял затор. В жарко натопленной парной пахло мокрым гнилым деревом и почему-то варёными картофельными очистками.

Отмыв накопившиеся за год грехи, мы лениво одевались, заворачивали в газету грязное бельё, мыло и мочалку, клали всё в авоську и, немного остыв, выходили на морозный воздух.

Я помню, как в тот вечер с тронутого синевой неба слетала снежная манная крупа, засыпавшая землю, крыши одноэтажных домов и редкие автомобили. Сонные деревья низко кланялись нам, сбрасывая с ветвей самый чистый в мире советский снег. Я намеренно отставал от отца, пытаюсь ступать за ним след в след. Но мне удавалось сделать всего несколько шагов, затем я путался, сбивался и пробовал начать снова. Папа оборачивался, и, глядя на моё бессмысленное занятие, улыбался.

Общественный транспорт, как и вся страна, жил по расписанию, и очень скоро, к остановке подкатил тупоносый, глазастый и вечно пыхтящий «ЛАЗ». Распахнув с шумом складные двери, он гостеприимно пустил нас внутрь. Аромат смолистой хвои и абхазских мандаринов успел прочно обосноваться в салоне автобуса за последний предпраздничный день. Две юные девушки в схожих пальто сельмаговских расцветок заразительно хохотали над уснувшим нетрезвым мужчиной с обтрёпанной еловой веткой под мышкой. До наступления нового года оставалось совсем немного времени...

За последние годы на Ташле почти ничего не изменилось. Помнится, лет восемь назад вечерами мы собирались на лавочках летней детской площадки, окруженной со всех четырех сторон двухэтажными домами периода поздней хрущевской застройки. Звучала шестиструнка, доносились песни «Машины времени», «Воскресенья» и «Одесситов». Ребята сидели на лавочках, как куры на насесте. Последний, выживший в неравной борьбе с местными хулиганами фонарь, тускло освещал молодые лица, кивающие в такт. Народ дружно дымил папиросами. Летние каникулы были уже не для нас. Настала пора выпускных экзаменов, а потом основную массу ребят ждала армия. Я останусь один, поступив в пединститут. Моя учёба на пять лет отстрочит службу в «СА». Остальных жизнь разбросает так, что уже никогда не сможет собрать вместе.

Многим хотелось попасть в ВДВ или, на худой конец, в погранвойска. «Косить» от армии тогда было «западло». Не служили только те, кто в этот момент сидел. Они освобождались с «малолетки» и через некоторое время снова уходили, но уже на взрослую зону. А потом их жизненный путь терялся в лагерях и сроках, которые не все смогли пережить. По правде сказать, таких отчаянных были

единицы. Некоторым из них мы писали письма, а самые смелые пробовали перекидывать через стены забора красноленинградской зоны чай, сигареты и другой «грев».

Безвозвратно унеслось разгульное время. Я помню, как вся мужская часть школы срывалась с уроков, услышав через открытые окна истошный вопль переростка второгодника Вовки Бармалея: «Пацаны! Октябрьские на Штанах Коляна отмочили». Толпа двигалась со скоростью снежной лавины, сметая на ходу штaketники, арматуру и другой подручный материал. Почти всегда столкновения удавалось избежать. Умные и рассудительные «старшие», часто уже имеющие опыт тёрков, как правило, улаживали конфликт, и до драки чаще всего не доходило. Однако зачинщика всегда находили, после чего следовала обязательная процедура наказания: их «главный» прилюдно отвешивал «своему» виновнику конфликта оплеуху. Удовлетворенный Колян и мы, его сторонники, тихо расходились.

В 1981 году в Красноленинск из Афгана пришли первые цинковые гробы. От сверстников из других районов мы узнавали о подвигах вчерашних босяков. Геройски погиб, подорвав себя и «духов» последней гранатой, отпетый хулиган и задира Славка Грек с Форштадта, достала пуля душманского снайпера Саню Музыканта, виртуозно и с куражом исполняющего «Smoke on the Water» на соло-гитаре в самый разгар танцев в «клетке» – как тогда называлось танцплощадка в Центральном парке.

А ещё через два года в наш район пожаловала беда: на узком и извилистом подъеме с моста в реку Ташлу упал переполненный «Икарус» и стал свечкой так, что почти все, кто был на задней площадке, погибли. Жертв было бы больше, если бы не курсант местного военного училища, который ценой своей жизни спас несколько человек. В те траурные дни город, казалось, замер, провожая в последний путь своих вчерашних жителей. Даже Би-Би-Си передало новость об этой трагедии.

В то время все мы были абсолютно уверены в своём будущем. Незыблемость социалистических устоев сомнений не вызывала. Но были и исключения. Жил тогда на Ташле местный диссидент Витя по кличке Заяц.

Будучи старше нас на десять-пятнадцать лет, Витя вёл, как тогда говорили, «антиобщественный паразитический образ жизни». Заяц презирал труд «на дедушку Ленина», нигде не работал и за это был даже один раз судим.

Властям и уличному комитету надоело с ним возиться и на него махнули рукой, признав ограниченно дееспособным, чему он был несказанно рад, потому что коммунизм считал явлением временным, таким, как корь у детей, которая все равно сама собой пройдет. Удивительно, как точно сбылось его предсказание!

С помощью самодельного, собранного из старых радиодеталей лампового приемника с внушительной антенной, Витя слушал «Голос Америки», главным образом не столько из-за политики, сколько ради, как он говорил, серьезных «вещей» «Deep Purple», «Black Sabbath» и «Slade». Концерты этих теперь всемирно известных групп он записывал на такой же многократно переделанный катушечный магнитофон. Учитывая, что эти передачи глушили мощные советские станции, ему приходилось время от времени давать нам примерно такие пояснения: «тут должен был быть орган, а потом снова соло-гитара, вот сейчас....»

От него мы узнавали многое. Фактически он давал нам то, чему нас не могла научить семья и школа. Человеком, надо сказать, Витя был разносторонне развитым: много читал, прекрасно пел под семиструнную гитару старые романсы и арестантские песни, мастерски играл в шахматы, на бильярде и в нарды, знал множество карточных фокусов, освоив их во время отбытия наказания за тунеядство. К тому же, он неплохо владел каратэ и нунчаками, хотя никогда ни с кем не дрался и слыл человеком миролюбивым.

В город (так мы называли центр Красноленинска) Заяц выходил не часто, но всегда в окружении стайки мальчишек, потому что каждый поход для него был своеобразным подвигом. «Внешний вид Зайцева В.П. был открытым и наглым вызовом всему социалистическому обществу» – так обычно начинался текст протокола об административном правонарушении.

Дело в том, что у него, во-первых, были густые длинные до плеч волосы, как у Гиллана, во-вторых, – очень широкие с клиньями брюки клёш, а в-третьих, – куртка с клепками, перешитая из летного офицерского кожаного плаща. Настоящий хиппи, а по сравнению с сегодняшней молодежной модой и нравами – просто юный пионер.

Для властей он был бельмом в глазу, а поскольку проживал Заяц в Октябрьском районе, то начальник районной милиции объявил его своим личным врагом. Поэтому после составления протокола в здании РОВД он с огромным

наслаждением стриг Витька «под ноль» механической машинкой и отпускал на все четыре стороны.

Каждый раз после экзекуции Заяц терпеливо мыл свою лысую голову дождевой водой и натирал отваром лопуха, будучи твердо уверенным, что, благодаря такой процедуре, волосы будут более густыми и «назло ментам» вырастут быстрее. Удивительно, но это помогало.

В конце концов, милиционеру начальнику это надоело, и он от Зайца отстал. Но за настойчивость и упорство, проявленные в боях с органами правопорядка, а также за высокие умственные способности блатные дали Витьку новую «погремуху» – Консул. И этим он несказанно гордился.

Самозабвенными и влюбленными в птиц и небо были местные голубятники. Иногда они жестоко мстили друг другу за уведённых в свою стаю породистых и очень дорогих птиц. Так остроумно подшутили над теперь уже покойным Женькой, прозванным за жадность Жидом, хотя к палестинским краям он никакого отношения не имел, а был исконно русского происхождения.

Жид с первой зарплаты купил пару голубей какой-то редкой породы и с нетерпением ждал, когда из маленьких в крапинку яиц выведутся птенцы. Ночью ребята аккуратно подняли лист шифера его голубятни и, забрав яйца будущих голубиных птенцов, подложили другие, из двух разорённых вороньих гнёзд. Не прошло и двух дней, как эти «динозавры» вылупились. Весь городок катался со смеху. Правда, настоящих птенцов Жиду потом вернули.

И, конечно, каждый знал заядлого радиолобителя Серёгу Транзистора. Этот парень связывался по радио даже со станциями Северного Полюса. Он первым сумел отыскать в эфире радиосигнал передатчика Тура Хейердала, потерявшегося в море на «Тигресе». Об этом тогда писала даже «Комсомольская правда». Но дело в том, что антенна Серегиного передатчика была установлена на общей крыше двухэтажного восьмиквартирного дома и вращалась вручную с помощью лебёдки, каких-то шестерёнок и втулок, внешне напоминающих большую мясорубку. И если Серега начинал крутить на чердаке весь этот жуткий механизм, деревянная крыша издавала невообразимый скрип. Соседи, конечно, ворчали, но относились с пониманием. Однажды, правда, случился казус.

Дело в том, что работа радиопередатчика приводила к появлению телевизионных помех во всех четырнадцати домах городка из-за того, что антенны жителей охотно ловили Серегины переговоры. И вот во время первого показа «Семнадцати мгновений весны», когда все улицы Советского Союза просто вымирали, с экрана телевизоров по всей округе Мюллер заговорил Серегиным голосом: «Привет, Мурманск, это Серега из Красноленинска, я работаю на чистоте...». Терпение граждан лопнуло и, как бы лояльно ни относились ташлянцы к жителям сурового незамерзающего порта в Баренцевом море, Сереге доходчиво разъяснили, что он ошибся со временем своего занятия. Он понял. Больше таких казусов не случалось.

Кстати, впервые о группе «Воскресенье» и рок фестивале «Тбилиси-80» мы услышали из эфира его передач.

Неотъемлемой частью нашей тогдашней жизни была молочница тетя Катя. Её громкое и раскатистое «мо-ло-ко! мо-ло-ко! мо-ло-ко!» и сейчас, кажется, слышится мне по утрам, хотя, к сожалению, её давно уже нет. Часто бывало, что у кого-то не хватало денег, и тогда она давала молоко в долг. Обманов никогда не случалось.

Но пришло иное время, и другими стали люди. Им приходилось выживать любой ценой и душевного тепла уже не осталось.

На перекрёстке мы остановились и закурили. Ветер усилился и гнал по дороге опавшую листву. В мёртвых окнах коммерческого ларька отражалась луна.

– Послушай, – обратился я к другу. – У меня из головы не выходит вся эта чертовщина. Дед, получается, много старше своих лет. Если исходить из той фотографии, где указывается, что он статский советник, то ему в 1919 году не может быть меньше 30 – 35 лет. Да и то для такого быстрого карьерного роста он должен был обладать недюжинными способностями. Статский советник – чин V класса в Табели о рангах. Например, Грибоедову пожаловали его только в тридцать три года. Понятно, что Воротынцев получил статского не в 1919 году, а раньше. Самое позднее – в начале 1917 г. Тогда получается, что он не мог родиться позже 1887 года. Стало быть, сейчас ему должно было бы исполниться не 95 лет, а 107. Это мыслимо?

– В горах Грузии известны долгожители, прожившие и больше, но Дед на такой возраст явно не выглядел.

– Ладно, на этом, пожалуй, и закончим день грузинских историй. Утро вечера мудренее.

Я зашагал к себе, на недавно снятую квартиру. Она располагалась неподалёку от дома моих родителей, так что борщом и котлетами я был обеспечен.

После ужина включил телевизор. По всем каналам передавали, что в Россию с первым официальным визитом прибыла королева Великобритании Елизавета II. И в конце новостей сообщили о взрыве в редакции газеты «Московский комсомолец». Погиб корреспондент Дмитрий Холодов. «Весёлого мало в моей стране» – подумал я и, плюхнувшись на диван, принялся рассматривать свой единственный трофей – записную книжку умершего старика. Но в ней кроме дат и галочек я так ничего и не нашёл. Чистым оставался только один последний лист. Непроизвольно взгляд остановился на цифрах «26.01.88 г.».

Если бы у меня спросили, что я делал в этот день, я бы ответил без запинки: погибал. Эта дата мне запомнилась ещё и потому, что 26-го января 1988 года моей дочери исполнился ровно год. Окончив исторический факультет Красноленинского пединститута, я женился и осенью ушёл служить в армию. Прошло всего четыре месяца, и у меня родилась дочь. А спустя год, в день рождения Валерии (жена назвала её в честь меня) я боялся, что никогда её не увижу.

...Мороз крепчал, и луна, точно воровка, спряталась за тучами. Четвёртый час мы прочёсывали лес, пытаясь отыскать сбежавшего из караула солдата-чеченца. Он исчез вместе с автоматом и несколькими магазинами. Нам разрешили открывать огонь на поражение, но только после предупредительного выстрела вверх и в случае явной опасности.

Оказывается, Заур Тутаев, так звали беглеца, был замешан в грабежах и убийстве. Грозненская милиция задержала всю шайку, но его отец сумел отправить сына в армию. Арестованные подельники долго молчали. Вдруг один из них дал признательные показания и рассказал про Заура, который, как выяснилось, и убил сторожа продовольственного магазина. Эти новости Тутаев узнал из письма своей девушки. Оно осталось лежать в его тумбочке. Судя по

всему, мысль о побеге пришла к нему внезапно. В противном случае, он захватил бы с собой и конверт.

По всему выходило, что беглец ушёл не в сторону военного городка, а по направлению к деревне, находящейся в десяти километрах от нашего полка. Только вот путь он выбрал не вдоль трассы, а лесом. Признаться, мало удовольствия пробираться по сугробам с фонарями, ожидая, что в любой момент из темноты может раздаться автоматная очередь. Нам даже не выдали зимние маскировочные халаты. Понимая, что группу преследования видно за версту, я выключил фонарь и, отклонившись от остальных метров на триста-четыре, углубился в лес. Ориентироваться приходилось по звёздам. Скоро я достиг небольшой поляны. Неподалёку треснула ветка. Я притаился. Впереди тёмным пятном мелькнул чей-то силуэт. Это был он. Тутаев меня не видел. «Стой, стрелять буду!» – крикнул я, но ответа не последовало. Тогда, чтобы привлечь внимание, я дал вверх короткую очередь. Чеченец убежал, не отстреливаясь, и потому я не смог в него выстрелить.

Расстояние между нами сократилось метров до ста. По лицу хлестал кустарник, дыхание сбивалось. И вдруг я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Я стоял в болоте. Надо же было случиться, что я забыл о Каменке – небольшой глубокой речке. Она текла в этих местах и образовывала небольшую заводь, переходившую в трясины. Летом, во время полевого выхода, мы перебирались на другой берег через поваленные деревья, да и то в самом узком месте.

Я оказался по грудь в холодной воде, и какая-то неведомая сила затягивала меня вниз. Тутаев скрылся. Мой АК-74 лежал рядом. Лёд ломался и крошился, как сахарная помада на торте. Где-то впереди раздались выстрелы, потом ещё.... Завязался минутный бой. Но скоро всё стихло. Наверное, беглеца убили.

Я пытался кричать – из груди вырвался только хрип. Тогда я нажал на спусковой крючок. Пули полетели куда-то вверх и вбок, но мне было уже всё равно. Я думал только о том, чтобы в лесу услышали выстрелы и нашли меня. В голове отчего-то всплыл мультфильм про Водяного... «Глупо, как всё вышло, – проносились мысли, – утонуть в болоте в двадцать четыре.... А дочке сегодня ровно год исполнился. Жаль, не увижу никогда...» И тут сверху упала большая и крепкая ветка. Видимо, я перебил её автоматной очередью. Я подтащил её к себе, сумел ухватиться и закрепил между пнём и кочкой. Теперь оставалось только подтянуться на руках, как на перекладине, и вырвать ноги из клейкого ила. Я закрыл глаза и с нечеловеческим криком рванул вверх. Палка

выдержала. Правый сапог покоился на дне болота, но нога осталась в мокрой портянке. Распластавшись, точно паук-серебрянка, я стал перемещаться буквально сантиметр за сантиметром, перехватывая замёрзшими руками шершавую ветку берёзы, (промокшие и отяжелевшие трёхпалые рукавицы я сбросил сразу). Наконец, удалось достичь твёрдой почвы. Автомат волочился за ремень, и ствол хлебнул воды. Я перевернулся набок и поднялся.

Звёзды на небе были всё те же, но теперь, мне казалось, они светили ярче.

Глава 4. Стамбульские приключения

Отдать долг Самире можно было только одним способом: отправиться челноками в Турцию. Для начала мы купили две сумки аккумуляторных электрических фонариков. Продав весь товар, я надеялся приобрести несколько кожаных курток и реализовать на рынке. За пять поездок мы рассчитывали накопить большую часть нужной суммы. Остальные деньги всё равно надо было у кого-то занимать. Первым в Стамбул поехал я, потому что у Алика ещё не был готов заграничный паспорт.

Шасси легко стукнулись о бетонную полосу заморского аэродрома, и два десятка пассажиров аплодисментами поблагодарили экипаж АН-24 за умело проведённую посадку. Крошечный, похожий на беременную стрекозу, турбовинтовой самолётик с неумело выведенной на хвосте синей надписью КААК (Красноленинская Авиационная Акционерная Компания), весело побежал мимо белоснежных Боингов, огромных Аэробусов и знакомых очертаний наших Ту-154 из ближнего, но уже всё-таки зарубежья. Снующие по бетонной полосе раскрашенные в яркий цвет автомобили технического обслуживания с непонятными надписями «Navash Navayolary» и длинные бензовозы с аббревиатурой «ВР» были первыми иномарками, встречающими нас на широкой полосе аэропорта турецкого города.

Очередная партия челноков уже сегодня отправится по знакомым лавкам и неприметным полуподвальным магазинчикам сметать с прилавков древнего Константинополя кожаные куртки, плащи, ковры, тюль, джинсы, колготки и спортивные костюмы. По всем российским меркам эти «туристы» считались достаточно удачливыми бизнесменами, и разница между нами была лишь в

количестве зелёной наличности, умело разложенной по разным карманам брюк и джинсовых курток.

Группа делилась на новичков и опытных коммерсантов. К новичкам-первоходкам относились учителя, врачи, просто безработные и даже один артист драматического театра. Все, как и я, прибыли с уже увесистым багажом. Чего только мы не тащили! Детские глобусы, подводные спортивные ружья (каждое можно было продать по тридцать, а если повезёт, то и по сорок долларов за штуку), игрушки и уже упомянутые фонарики. Их к тому времени навезли столько, что если бы все счастливые обладатели этих недорогих электрических приборов включили их разом, то свет, наверняка, достиг бы и других галактик.

Опытные коммерсанты – бывшие торговые, партийные и комсомольские работники – знали старинный город как свои пять пальцев и своей спокойной уверенностью напоминали купцов прошлого века. На впервые выбывших за пределы недавней ещё Советской Родины они смотрели с едва заметной снисходительной улыбкой. Их товар уже был давно приготовлен и ждал своего часа у продавцов. Покупателям оставалось лишь расплатиться и доставить его в гостиницу, где за два доллара служащие аккуратно упаковывали каждый тюк.

Но всех туристов объединял прихваченный из дому неизменный продуктовый набор: аккуратно завёрнутое в белую тряпочку сало, копчёная колбаса, прибалтийские шпроты и, конечно же, отечественная водка в количестве двух-трёх бутылок. И даже совсем непьющие обязательно везли в ручной клади багажа эту прозрачную сорокоградусную жидкую валюту. Она могла помочь выбраться из любой сложной ситуации, а иногда с лёгкостью в неё попасть. Но об этом в России обычно не задумывались.

Миловидная стюардесса лет двадцати пяти, на русском, а затем ломанном, английском, как того требовали правила выполнения международных полётов, объявила о прибытии воздушного судна в аэропорт имени Ататюрка, и уже через несколько минут, немногочисленная толпа челноков высыпалась из брюха крылатой машины на бетонку взлётной полосы. Последним сошёл я.

Вдруг откуда-то сзади послышался раскатистый, зазывный лай. Я обомлел и, повернувшись, увидел на выброшенном трапе-стремянке небольшую светлую дворняжку, которая неторопливо сошла на землю. Это была собака из красноленинского аэропорта. Она обычно кормилась остатками бортпитания и часто бегала по полосе.

Но как она могла оказаться в самолёте? «Видимо, зашла ещё до начала посадки и заснула под каким-нибудь креслом». Другого объяснения у меня не было.

Дело осложнялось тем, что турецкий офицер, встречающий наше воздушное судно, увидев её, ошалел не меньше моего. Быстро придя в себя, он начал требовать у командира экипажа санитарный сертификат на животное. А дворняга не переставая лаяла на туземного стража, отчего последний злился и грозил выписать штраф за нарушение международных санитарных норм. Возникло замешательство. Я решил выручить командира.

- Excuse me, officer, she is a crew[4 - Excuse me, officer, she is a crew - (англ.) Извините, господин офицер, но она член экипажа (прим. авт.)], - сострил я.

- Would you be so kind to find the certificate[5 - Would you be so kind to find the certificate - (англ.) А не будете ли вы так любезны, предъявить соответствующие документы? (прим. авт.)]? - с лукавой улыбкой осведомился турок.

И тогда я вытащил из переброшенной через плечо спортивной сумки пару бутылок водки и протянул ему. Он молчал. Я поставил водку перед ним. Офицер моё предложение игнорировал. Тогда наблюдавшие за этой картиной челноки, тоже начали подходить и опускать рядом свои кровные пол-литры. Недоумённый чиновник замер в окружении «Посольской», «Столичной», «Русской» и «Пшеничной».

А потом он махнул рукой и ушёл прочь, так ничего и не взяв. Дворняга, как будто поняла его добрый поступок и перестала лаять. На время двухчасовой стоянки экипаж закрыл её в туалете. Мне затем рассказывали, что на обратном пути путешественница ходила по салону, как хозяйка, и бортпроводники в шутку ей уступали дорогу, некоторые не очень трезвые пассажиры отдавали четвероногому другу честь, а особенно нетрезвые даже получали ответное приветствие.

Стамбул произвёл на меня незабываемое впечатление. Залив «Золотой Рог», старые трамвайчики, дома и мосты...Город напоминал один большой набор специй. Такого количества разнообразных ароматов я нигде не встречал. Пахло жареными кебабами, рыбой, кунжутом, горячим хлебом, кожей.... Каждая улица, казалось, имела собственный запах. Всё зависело от того, какие именно магазины и закулочные на ней располагались.

Конечно, мы сэкономили на всём. Сумки таскали сами и не о каком такси даже не помышляли. Я сразу же познакомился с одним из опытных челноков и, следуя его совету, отыскал перекупщиков и расстался с фонариками прямо в гостинице. Он же помог мне с выбором кожаных курток. Сергей – так звали моего нового знакомого – купил их по оптовой цене вместе с полутора сотнями своих. Я раньше и не подозревал, что настоящая кожа не горит, даже если к ней поднести зажигалку или спичку, а искусственный заменитель сразу вспыхивает и морщится при малейшем соприкосновении с огнём. Мы упаковались ещё днём, и у нас оставался свободный вечер.

– А ты видел когда-нибудь «квартал красных фонарей»? – разливая водку, спросил меня коммерсант.

– Нет, – ответил я, догадываясь, что речь идет не о рынке фотооборудования.

– Побывать в Стамбуле и не посмотреть турецкие публичные дома – большое упущение! Там красавицы со всего света. Кого только нет! И даже негритянки имеются.

– Ну, разве что сходить как на экскурсию, – неуверенно пробормотал я.

– Конечно! Мы же не собираемся с ними спать. Тем более что самые красивые стоят пятьдесят долларов. А это, как ты понимаешь, целая кожаная куртка, пусть и короткая. Да и зачем тратиться, если в нашей группе полным-полно женщин. Вернёмся, наведемся к нашим челночницам... на предмет «цигель-цигель, ай-лю-лю».

Действительно, нравы у челноков были самые свободные. Многие дамы ударялись в безумное распутство. Матери семейств вытворяли такое, что их мужьям и не снилось. Александр – наш руководитель группы – поведал, что в этой поездке есть три подруги. Молодые симпатичные женщины лет тридцати. Их мужья работали в ФСК, преемнице КГБ. Так вот каждый из трёх чекистов, провожавших жён, незаметно для двух других подходил к нему и, указывая на подруг жены, шептал, примерно, одно и то же: «Послушай, парень, вот тех двух пусть там хоть порвут. А вот эту, мою, смотри, чтоб никто не тронул. Понял?». И Саша послушно кивал. Кстати, куролесили все три подруги вместе, не стесняясь друг друга, да так, что я и представить себе не мог. Казалось, они хотели испить разврат до последней капли, будто завтра наступит апокалипсис. У меня

сложилось впечатление, что, тем самым, дамы связали себя круговой порукой. Ни одна из них теперь не могла проговориться.

Я невольно ухмыльнулся, когда по прилёту чекисты, поочерёдно «допрашивали» руководителя группы. Причём, одним из них оказался как раз наш с Аликом обидчик, «конфисковавший» весь антиквариат. Естественно, о проделках офицерских жён Саша умолчал. Да и как было не умолчать, если мы составили им компанию в посещении турецкой бани. Так что «рога» у нечистого на руку офицера подросли и с моей помощью. Глядя на него, я даже представил, как он потирает «чистыми руками» заиндевевшие от «холодной головы» рога под стук «горячего сердца». Позже, когда я подробно поведал об этом Алику, он смеялся до слёз, а потом, вытирая глаза, сказал: «Вот и отомстили. Значит, карма у этого крохобора такая. Знаешь, лучше потерять пять с половиной штук баксов, чем всю жизнь жить с такой шлюхой».

А ещё была в группе разбитная одинокая тётка лет сорока пяти, армянка. Звали её Лида. Внешней привлекательностью не отличалась. Она возила в Россию тюль и другие ткани. Не стесняясь, Лида рассказывала, что сбивает цену на товар, отдаваясь хозяину магазина прямо там, в комнате отдыха. «Тут вам и деньги, и удовольствие», – хохотала она. Но однажды случился у Лиды «прокол». По ошибке она приняла продавца за хозяина и переспала с ним. Неудивительно, что никаких скидок в тот раз она не получила. Впрочем, благодаря «шароварному радио» молва об умелой торговке быстро распространилась среди местного купечества, и Лида быстро наверстала упущенную выгоду. Сначала я в это не поверил, но потом понял, что прожжённая челночница говорила правду. Да и какой смысл было ей врать?

Весть о том, что мы с Сергеем идём смотреть «красный квартал» быстро разнослась среди наших соотечественников, и к нам присоединилось ещё восемь человек.

Рабочие обитатели «жриц любви» находились в старом портовом районе Каракёй. Пока мы туда шли, выяснилось, что был среди нас один парень высокого роста и крепкого телосложения, не спавший с женщиной с тех самых пор, как у его жены обнаружили онкологию. По словам Толика, он приехал в Стамбул, чтобы заработать денег на дорогие импортные лекарства. Он смотрел на нас жалостливыми глазами. Первым не выдержал Сергей.

– Ладно, – махнул он рукой и вынул из кармана двадцать баксов. – Всё что могу... Скидывайтесь, ребята. Такой богатырь и целый год без бабы? Надо исправить.

– Только пусть он потом всё нам расскажет! – внёс предложение мужик лет сорока и расстался с десятью долларами.

– И самым подробнейшим образом! – согласился я и добавил ещё пять.

– Доброе дело! – прокомментировал высокий, худой очкарик (учитель физики) и тоже положил зелёную банкноту с Авраамом Линкольном.

Мы насобирали как раз пятьдесят долларов. Деньги перекечевали к Толику, и он зарделся от предвкушения близкого удовольствия.

– Ну что, Толян, – улыбнулся Сергей, – пойдём выбирать тебе зазнобу. Каких предпочитаешь? Блондинок или брюнеток?

– Люблю чёрненьких.

На входе в квартал стояла полиция. Сюда не пропускали пьяных и людей с сумками или пакетами, поскольку в них могли быть бутылки с алкоголем.

Сергей рассказал, что проституция в Турции официально разрешена ещё со времён Ататюрка.

– Здесь, как в магазине, везде стоят кассовые аппараты. «Заплатил, чек, пожалуйста, забираешь даму и поднимаешься наверх», – объяснял он. – Да сам сейчас всё увидишь.

А тут было на кого посмотреть! Все путаны, будто женщины-манекены, находились за толстым стеклом. Одни сидели на высоких барных стульях, другие полуобнажённые лежали на диванах, третьи, одетые в прозрачные пеньюары, ходили на высоких каблуках, демонстрируя прелести фигуры. Каждый день выбиралась новая «королева дня». Рядом с её окном висела роза, и стекло всегда было облеплено мужскими головами. Самый разный люд: моряки, калеки, убогие и просто полусумасшедшие глазели на красавицу, мечтая оказаться с ней в одной постели. Я подошёл к витрине, встретился с ней

взглядом и невольно залюбовался. Дама, и в самом деле, была очаровательна. И вдруг она поманила меня пальцем. Все стали кричать, поздравлять меня, хлопать по плечу и подталкивать к входной двери. Я растерялся, смутился и отошёл. Оказывается, только «королева» имела право выбрать из зрителей понравившегося мужчину и отдаться ему бесплатно. Фортуна улыбнулась мне, а я постыдно отступил. Зато Толик не постеснялся. Он выбрал себе мулатку и поднялся в комнату. Их не было минут двадцать. Посмеиваясь, парни стали выдвигать разного рода версии задержки. Наконец, он появился. Ожидая устного пересказа «Эммануэли» или на худой конец «Греческой смоковницы», мы тут же бросились к нему с расспросами, но Толик окинул всех презрительным взглядом, хмыкнул и ушёл в отель.

Уже в самолёте, изрядно подпив, он нагло хохотал, рассказывая Лиде, как «развёл» нас на пятьдесят баксов. Мы сидели и молчали. Сергей дважды порывался набить ему морду, но ребята не дали. Больше этого Толика я никогда не видел.

Глава 5. Знаки судьбы, или пятница, 13

Через несколько дней после моего возвращения домой мне посоветовали слетать в Сирию, в Алеппо. На следующей неделе должен был состояться первый рейс местной авиакомпании.

В этой древней стране можно было сделать неплохой бизнес. Челноки убеждали, что сирийский «выхлоп» от товара гораздо выше, чем турецкий, потому что тамошние вещи выглядят почти как турецкие, но из-за плохого качества стоят гораздо дешевле. Конечно, покупатели рано или поздно это поймут, но пока они разберутся, пройдёт немало времени, деньги обернутся, заработок вырастет. Правда, знающие люди не советовали связываться ни с обувью, ни с трикотажем.

Ленка, любовница Алика, доверительно сообщила ему, что в Сирии надо покупать только ткани для штор или тюль. Эта продукция всегда отменного качества и сравнительно недорогая. Именно ею торговали местные сирийские студенты нашего медицинского института.

Пустым в Сирию ехать было глупо, и я отправился на Верхний рынок. Там, в одном из магазинов продавали детские игрушечные наганы. Их делали на бывшем военном заводе. Говорили, что за границей эти пистолетики охотно покупают.

Осень приходит в Красноленинск незаметно, как заглядывает в гости тяжёлая болезнь или навевается старость. Небо мгновенно теряет летнюю синь и хмурится скучным серым цветом, будто на палитре невидимого художника не осталось ни одной яркой краски. Холодный ветер забивает сухую листву под колёса оставленных на ночь разномастных легковушек. Пахнет дождём и грибами.

Новый день – новые заботы. Упрятав лица в поднятые воротники плащей и курток, горожане торопятся куда-то, безразлично проходя мимо фасадов добротных особняков, вросших по пояс в булыжные мостовые старых улиц. Правда, над тем речным, чешуйчатым камнем лежит уже не один слой асфальта и потому эти величественные домовладения, построенные когда-то купцами, надворными советниками и зажиточными мещанами, сегодня кажутся одинокими сгорбленными стариками. А те из них, кого лишили ставней, смотрят виновато-пристыженно своими глазами-окнами и будто просят у нас прощения за свой неприглядный вид. Оно и понятно: дом без ставней – что купец первой гильдии без усов. Старый город с его тихими улочками, душистой сиренью в палисадниках и утренним криком молочницы ушёл безвозвратно. А жаль... Ведомый этими грустными мыслями, я плёлся к Верхнему базару.

У самого входа в рынок я заметил опрятно одетую пожилую женщину. Она явно не вписывалась в говорливую массу торгашей из одной бывшей Союзной республики, навязчиво предлагавших товар каждому встречному. Сам не знаю, почему я направился к ней. На прилавке лежало совсем немного вещей: какая-то потрёпанная книжонка, совсем новый плотницкий рубанок и неровные куски металла похожего на медь. Книга оказалась до боли знакомой – «Грибы в Красноленинском крае», выпущена ещё в 1975-м году.

– Возьми, парень, отдам недорого, – старушка подняла на меня полные грусти глаза.

– Сколько?

– Рубликов пятьсот не дадите?

Я открыл форзац и прочёл надпись: «На память грибнику И.Н. Г-ву от П-ва А.И. 27.XI – 75 г.»

– А рубанок?

– Семь тысяч.

– Хорошо, – кивнул я и полез в карман.

– А медь...медь вам не нужна? От ревматизма она, знаете ли, спасает. Это ещё муженёк мой, родименький, для меня собирал и выпаивал. Он ушёл недавно, а я вот пока осталась. Пенсия маленькая – тяжело. Плотничать он любил, а рубанок прямо перед самой смертью купил – радовался очень. За грибами в этом году всего один разок сходил – не успел больше, – женщина теребила край косынки и с надеждой смотрела на меня. – Возьми, сынок, медь, тебе пригодится.

– Нет, спасибо, мне она без надобности, – я отдал ей деньги, забрал покупки и быстро удалился.

Потом, уже купив две сумки игрушек, я никак не мог отделаться от разъедавшего душу горького чувства вины. Мне было совестно и неловко, как будто в храме я забыл снять шапку.

Вскоре я вышел на улицу и, полный праведных устремлений, подался всё к тем же рядам. Но на том самом месте уже стоял какой-то парень – то ли Гарик, то ли Ашот – и настоятельно рекомендовал мне приобрести средство от тараканов. А я всё смотрел по сторонам и пытался отыскать знакомое лицо, но старушки нигде не было. И только неугомонный ветер раскачивал верхушки старых тополей, помнящих то время, когда площадь перед Тюремным замком именовалась Петропавловской.

Дома я сам никак не мог взять в толк, зачем это я купил эти бесполезные предметы, если за грибами ходил только в армии и уж тем более, никогда не плотничал. Признаться, я и сам не знаю.... Наверное, обидно стало, что вещи живут дольше людей. Я курил и злился. И на себя, что не купил медь, и на

страну, в которой её престарелым гражданам приходится продавать память о своих близких.

Неожиданно позвонили в дверь. Так, тремя короткими звонками, обозначает себя только Алик. Я не ошибся. На нём лица не было.

– Что-то случилось? – спросил я.

Он молча кивнул, прошёл в комнату и стал рассказывать:

– Этот вечер я должен был провести с Ленкой. Её муж – этот костолом мусорской – в командировку собрался на своей машине. Ленка мне все уши прожужжала, что у неё целая порнографическая видеотека появилась. Мусора делали обыск у какого-то коммерсанта, ну и прихватили заодно кучу видеокассет, якобы проверить, нет ли там оснований для возбуждения уголовного дела за разврат малолетних. Рассказывала, кстати, что после того обыска её майор запил с горя.

– А ему-то что?

– Да они у этого коммерсанта сто тысяч баксов наличными нашли в тайнике за книгами. Вот Ленкин СОБРовец и расстроился, что, когда ввалился в чужую квартиру не долбанул сонного хозяина прикладом в лоб, якобы при попытке оказать сопротивление. Глядишь, бизнесмен и окочурился бы. А бабло они бы с опером поделили. Следак к тому времени ещё не подъехал. Так что никто бы ничего и не доказал потом.

– А ты тут причём?

– Я-то как раз и не причём. Просто Ленка меня к себе звала сегодня. Я уже и рубашку начал гладить. А она всё названивает мне по телефону, торопит, мол, стол накрыла, кассетку порнушную про Екатерину II приготовила. Говорит, покушаем, фильм посмотрим и всё такое... Заболтался я с ней и прожёл рубашку. Пришлось гладить другую. Только оделся – у меня шланг с унитаза сорвало. Вода хлыщет. Я давай вытирать быстрее, чтобы нижних соседей не затопить. Тут опять Ленка звонит, говорит, что не вытерпела уже сама начала кассету смотреть. Приходи, говорит, хочу тебя... Только я справился с краном, слышу на кухне, как бабахнет что-то, смотрю – колонка газовая взорвалась. Я газ

перекрыл и знакомому мастеру позвонил. Он пришёл только через час. Пока сделали – уже девять вечера. Ну, думаю, теперь пойду к Ленке. Только стал выходить – телефон затрещал. Опять она. Шепчет скороговоркой: «Муж с полдороги вернулся. Машина у него сломалась, и его назад на буксире притащили. Он в душе моется. Еле успела со стола еду в холодильник убрать. Всё, кладу трубку». ...Вот такие дела. Вышел я тогда на улицу и поплёлся к её дому. Стою, курю, смотрю на зарешечённые окна второго этажа и представляю, что со мной этот вооружённый горилла сделал бы, если бы застал в собственной кровати и со своей женой. Я бы даже выпрыгнуть в окно не сумел. Нет, я бы, конечно, оттуда выбрался, но только по частям, внутренностями, которые он намотал бы на эти решётки. Веришь, у меня до сих пор руки трясутся. – Он помолчал и добавил: – И понял я тогда, Валера, что неспроста я рубашку прожёл, да и кран в ванной совсем не случайно сорвало, и колонка не просто так взорвалась. Это были знаки судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

I've told you I'm not goin for a sea-trip. See you. – (англ.) Я сказал вам, что не собираюсь на морскую прогулку. Всего доброго (прим. авт.)

2

Так тогда называли резиновую полицейскую дубинку (прим. авт.).

3

Hard day's night – (англ.) вечер трудного дня, так называлась одна из песен группы «Битлз» (прим. авт.).

4

Excuse me, officer, she is a crew – (англ.) Извините, господин офицер, но она член экипажа (прим. авт.).

5

Would you be so kind to find the certificate – (англ.) А не будете ли вы так любезны, предъявить соответствующие документы? (прим. авт.).

Купить: https://tellnovel.com/lyubenko_ivan/bosikom-po-90-m

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)